

ЛУИ АЛЬТЮССЕР: КРИТИКА, РЕКОНСТРУКЦИЯ И ЗАЩИТА МАРКСИЗМА

Французский философ Луи Альтюссер в 1960-1970-е годы обосновывает положение о том, что марксизм — это наука, а не идеология. Рассматривая марксизм как теоретический антигуманизм, он фиксирует «эпистемологический разрыв» между идеологическим и научным периодами в творчестве Маркса.

Ключевые слова: неомарксизм, антигуманизм, идеология, сциентизм, эпистемология.

В ренессансе марксизма 1960-1970-х годов немногие философские и политические проекты вызвали такое воодушевление и породили столько противников, как «возвращение к Марксу» французского философа Луи Альтюссера. «Взлет и падение» Альтюссера разделены небольшим отрезком времени, однако было бы опрометчиво полагать, что он принадлежит исключительно к ушедшей эпохе. Альтюссер был «захвачен в плен политикой», поэтому в ситуациях социальных кризисов неизбежно возрастает интерес к нему ценителей и любителей радикальных действий, и одновременно раздается критика, дискредитирующая французского философа. Круги на воде от камня, брошенного им, расходятся очень медленно.

В конце 70-х, когда авторитет марксизма во Франции заметно снизился, Альтюссера по-прежнему читали итальянские и латиноамериканские коммунисты, уважали «левые» в британских и американских университетах. Один из номеров журнала «Rethinking Marxism» за 1998 год был полностью посвящен Альтюссеру. В 2001 году в США переиздается сборник «Ленин и философия», а в 2005 году он публикуется на русском языке. В послесловии к нему говорится: «Сегодня, когда и общественное бытие, и общественное сознание находятся в состоянии взвеси и неопределенности, нам стоит поучиться у Альтюссера его умению мыслить последовательно и ясно» [1. С. 174].

С другой стороны, во Франции публикуются автобиографические заметки Альтюссера «Будущее длится долго», сделанные уже после 1985 года, когда душевный недуг философа стал очевиден. Эти заметки нередко используются для того, чтобы создать образ второстепенного философа, к тому же тяжело больного и социально опасного. Нельзя согласиться с категорическим утверждением М. Лилла, что «марксизм Альтюссера был философской однодневкой, непредставимой и даже необъяснимой, нигде, кроме как в этом парижском мире шестидесятых годов» [2. С. 226]. Это, по меньшей мере, неточно, а по большей мере — несправедливо: Альтюссер был порождением и отражением своего времени.

Философские идеи не приходят в мир подобно Минерве: всегда есть определенный политический и теоретический контекст и момент их появления. Время

* © Шихардин Н.В., 2009

Шихардин Николай Владимирович — кафедра истории философии Уральского государственного университета

Альтюссера – это период кризиса и обновления в коммунистическом движении. Следствием кризиса стало, по мнению Альтюссера, усиление оппортунизма правого толка. Альтюссер с негодованием заявляет, что некоторые философы-марксисты уступают во имя антидогматизма буржуазной идеологии, а «тех, кто защищает диалектический материализм, например Энгельса и Ленина, третируют как философских ничтожеств... Когда они говорят о Марксе, то всегда, за редким исключением, для того, чтобы сокрушить, осудить, поглотить, использовать или ревизовать его учение» [3. Р. 32]. В «Амьенской защите» Альтюссер формулирует свое полемическое кредо: «Если философия является, в конечном счете, борьбой классов в теории ..., то эта борьба принимает свойственные философии формы размежевания, отхода и теоретической работы по обоснованию расхождений с другими» [3. Р. 128].

Переход Альтюссера на позиции неомарксизма трагичен и в личном, и в научном плане. Он был готов стать Лютером французского марксизма. Его книги пронизаны исключительным пиететом по отношению к Марксу, но страстность и категоричность в защите марксизма, с одной стороны, и логика симптомного чтения (познавательной реконструкции того, что не было в полной мере осознано самими исследователями), с другой – увели Альтюссера от классического марксизма.

В книге «За Маркса» Альтюссер ставит перед собой две основные задачи: 1. Демаркация между марксистской теорией и различными формами философского субъективизма, которые ее компрометируют и ей угрожают: прагматизм, волюнтаризм, историцизм, эмпиризм. Это демаркация на территории между Марксом и Гегелем. 2. Демаркация между ранними работами Маркса и «Капиталом», между «идеологическим» периодом и периодом «научным» [4. Р. 12]. Назначение коллективного труда «Читать “Капитал”» Альтюссер определяет более лаконично: критика, реконструкция, защита.

Альтюссер, читая Маркса, стремится ответить на вопрос: имела ли место теоретическая революция или только дворцовый переворот в развитии мысли самого Маркса? Он попытался продемонстрировать одновременный концептуальный и эпистемологический разрыв между ранними работами (1840-1844 гг.) и собственно марксизмом (1845-1883 гг.); «перелить» исторический материализм в свете этого разрыва в неэкономическую и антигуманистическую форму. Альтюссер стремится обосновать три неразрывно связанных для него тезиса: исторический материализм и теоретический гуманизм были концептуально несовместимы; исторический материализм появился через разрыв с теоретическим гуманизмом; эта мутация в проблематике означала эпистемологический разрыв, который отделил науку и философию от всех теоретических и философских форм идеологии. Тем самым осуществляется реконцептуализация и репериодизация марксизма.

В борьбу за признание научной природы марксизма Альтюссер вступает под знаменем антиэмпиризма, его задача – обосновать относительную автономию теории от практики, тем самым, подтвердив право марксистской теории не быть заложницей тактических политических решений. Термин «антиэмпиризм» используется Альтюссером без точного определения. Его «анти» может означать и антисенсуализм, и антиаприоризм, это «анти» позициям, отождествляющим реальный объект и объект познания. Рассматривая структуру эмпирического знания, Альтюссер отмечает, что в нем реальный объект всегда мыслится как некая часть более обширного объекта. Эта часть может быть существенной, внутренней, скрытой, невидимой с первого взгляда, но для эмпиризма знание всегда

касается реального объекта. Эмпиризм предстает у Альтюссера как идеологизированная философия, освобождение от которой свидетельствует о «разрыве» между молодым и зрелым Марксом: первый мыслит идеологически, второй — научно. Интерпретация марксистской теории как науки означает признание ее антиэмпиризма. Эмпиризм выступает в таком случае как идеология, которая смешивает теоретические объекты с реальными, игнорируя различие между теорией и практикой.

Альтюссер убежден в том, что познание имеет продуктивный, трансформативный характер, оно является интеллектуальной конструкцией, а не вместилищем впечатков того, что лежит вне его. Материалом науки нельзя считать «чистые» факты, забывая, что они представляют собой продукт предшествующей социальной практики. Главный эпистемологический вывод, который делает Альтюссер, читая «Капитал», — теоретическая практика содержит в себе собственный имманентный критерий, который в действительности есть ее продукт, предохраняющий знание от эмпирической фальсификации.

В марксистской теории Альтюссер различает науку и философию: «Отказ от этого различия выражает либо правый, либо левый уклон. Правый уклон отменяет философию: остается лишь наука (позитивизм). Левый уклон отменяет науку: остается лишь философия (субъективизм), имеются случаи инверсии, перестановки, но они подтверждают правило» [3. Р. 38–39]. Наука объединяет людей, философия может объединять лишь разделяя. Наука все время ставит новые проблемы и, разрешая их, производит новые знания. Философия ставит вопросы, старые как мир и принимает все варианты ответов на них, не имея возможности даже в перспективе достичь согласия.

Одну из главных заслуг Маркса Альтюссер видит в открытии науки истории: исторический материализм — наука, которая имеет свой объект изучения: социальные формации, их трансформации и как всякий вид практической деятельности создает специфический для нее продукт. Науки, известные нам, говорит Альтюссер, расположены на нескольких больших научных континентах. До Маркса были открыты два таких континента: математика и физика, «первый открыли греки, второй — Галилей. Маркс открыл в научном знании третий континент — историю» [3. Р. 31]. Открытие это вызвало революцию в философии, которая всегда чутко реагировала на развитие науки. Альтюссер сожалеет, что многие профессиональные философы эту революцию не заметили, будучи носителями буржуазного мировоззрения. Основные формы этого мировоззрения: экономизм (технократизм) и его духовное дополнение — моральный идеализм (сегодня гуманизм), а также неопозитивизм и его духовное дополнение — феноменологический (экзистенциалистский) субъективизм [3. Р. 33].

Позиции, которые сталкиваются в борьбе классов, представлены в области практических идеологий (религиозные идеологии, мораль, право, политика и т.д.) мировоззрениями антагонистической направленности. Мировоззрения в области теории (наука плюс теоретические идеологии) представлены философией. Философия существует там, где есть теоретическая область, там, где есть наука. Без науки есть только мировоззрение. «Надо различать, — пишет Альтюссер, — цель битвы и поле битвы» [3. Р. 30]. Конечная цель — борьба за гегемонию между двумя великими мировоззрениями — идеализмом и материализмом. Главное поле в этой битве — научные знания.

От обоснования научного характера марксизма Альтюссер переходит к размежеванию его с идеологией. А. Шафф в работе «Структурализм и марксизм» насчитал не менее десятка определений идеологии, предлагаемых Альтюссером

[5. Р. 46-50]. Они носят и дескриптивный, и негативный, и позитивный характер. Нередко Альтюссер использует понятия «идеология», «идеологический» как уничижительные, и тогда обнаруживается, что его пафос, зачастую более эмоциональный, чем теоретический, — реакция на шок, вызванный изобличением догматизма, ортодоксии и сталинизма. «Нет ничего истинного, — восклицает он, — в истории, которая позволяет читать ее в идеологическом континууме линейного времени, нуждающегося только в пунктуации и разделении» [6. Р. 103].

Тем не менее, за всем калейдоскопом подходов можно выявить основное кредо Альтюссера: идеология — это не когнитивное отношение к миру, не совокупность ошибочных суждений, это способ, которым индивиды «проживают» свое отношение к условиям собственного существования. В идеологии реальные отношения неизбежно превращаются в воображаемые, выражающие желание (консервативное, конформистское, реформистское или революционное), надежду или ностальгию более, чем подлинную реальность [4. Р. 234].

В книге «За Маркса» Альтюссер пишет, что идеология может характеризоваться тем, что ее собственная проблематика не осознается ей самой [4. Р. 69]. Наука возможна только в том случае, если она освободится от идеологии, которая оккупирует ее территорию или намеревается это сделать. Идеология, по Альтюссеру, руководствуется интересами, а не необходимостью знания самого по себе. Религиозные, этические, политические интересы должны быть отброшены, если мысль становится научной. Что делает марксизм наукой? Вовсе не то, что он оружие революции, а то, что он не концептуализирует общество с позиций каких-либо его представителей.

Альтюссер рассматривает идеологии как часть суперструктур, служащих усилению субструктур. Они легитимизируют экономические и социальные отношения и, следовательно, являются орудием классового права. Идеология отличается от науки тем, что ее практико-социальная функция — трансформация человеком условий своего существования через некие объективные структуры — более важна, чем теоретическая [4. Р. 230]. Понимаемая таким образом идеология никогда не может быть заменена наукой.

Отличие науки от идеологии Альтюссер прослеживает и на эпистемологическом, и на онтологическом уровне. Обе эти формы знания детерминированы социальной реальностью, но сама детерминация обнаруживается по-разному. Вопросы истинности или ложности не относятся к идеологии, так как она устанавливает совокупность моральных норм, систему религиозных верований, не объясняющих, но практических, ориентирующих субъекта на определенное отношение к миру, в котором он живет.

Несмотря на то, что оппозиция идеологии и науки является центральной в альтюссеровской концепции, он признает невозможность их дихотомии: осмеянная идеология — такой же миф, как и «чистая» наука. «Только идеологическое мировоззрение, — пишет Альтюссер, — способно представить мир без идеологии и принять идею мира, в котором идеология (а не только одна из ее исторических форм) может исчезнуть без следа и быть замененной наукой» [4. Р. 232]. Альтюссер убежден: и в коммунистическом обществе идеология останется посредником, через которого люди осваивают свой мир.

Обосновывая положение, что марксизм — наука, а не идеология, Альтюссер выдвигает свой самый эпатажный тезис: марксизм — это теоретический антигуманизм, поскольку гуманизм есть идеология. В структуре общей марксистской концепции теория социализма представляет собой научную концепцию, а гуманизм — идеологическую, так как размышляет о «воображаемом человеке».

Наука объясняет, раскрывает сущность явления, а идеология отражает, но не раскрывает сущность явления. Вывод Альтюссера категоричен: осуществление марксистской политики возможно, если она базируется на марксистской философии и предусловие для этого теоретический антигуманизм. К марксизму применим тезис структурализма: человек умер, всякая философия субъекта есть только вторжение идеологии [4. Р. 229-231].

Любая попытка реставрировать марксистскую антропологию или философский гуманизм, будет в теоретическом смысле собиранием пыли — такова квинт-эссенция теоретического антигуманизма Альтюссера. Однако его позиция не столь прямолинейна, как может показаться на первый взгляд.

Определив отношение теории и гуманизма, Маркс, по мнению Альтюссера, вовсе не отказывается от гуманизма в идеологии, он не утверждает, что идеология может быть разрушена знанием (теорией). Марксистский теоретический антигуманизм не подавляет ничего в историческом существовании гуманизма. Альтюссер в статье «Марксизм и гуманизм» признает возможность существования различных форм гуманизма, видя в этом одно из подтверждений его идеологической природы. Альтюссер убежден: когда идут от человека, невозможно избежать идеологического соблазна поверить во всемогущество свободы или созидательного труда, а тем самым «терпеть при полной «свободе» всеисилие господствующей буржуазной идеологии, которая имеет целью замаскировать и навязать под прикрытием призрачного могущества свободного человека другую силу, реальную и действительно могущественную, — капитализм», — пишет Альтюссер [3. С. 169], прозорливо видя, как можно использовать гуманистическую риторику и проблематику в идеологической манипуляции массовым сознанием. Альтюссер справедливо отмечает, что нередко за стремлением подчеркнуть гуманистический характер марксизма стоит поиск возможных союзников, по крайней мере, желание перекинуть к ним мост, однако гуманистическую проблематику следует развивать, прежде всего, исходя из внутренних потребностей марксизма.

Тем не менее, в доказательствах Альтюссера марксистского антигуманизма много теоретических неточностей. Философско-антропологический мотив проходит через все творчество Маркса. Философия Маркса, отмечает К.Н. Любутин, «замыкается на экзистенциальных проблемах, решение которых базируется на практически обоснованных принципе материальности и принципе развития. Они выведены из анализа взаимодействия субъекта и объекта, целеполагающей и целереализующей деятельности» [7. С. 115]. Ценой доказательства того, что марксизм — наука, стал отказ от гуманизма. Цена эта оказалась слишком велика: она вывела Альтюссера за пределы марксизма. Хотя его неомарксизм нередко атрибутировали как структуралистский, структурализм не стал для него окончательной гаванью. Трудности альтюссеровского марксизма вытекают не столько из склонности к структурализму или теоретическому антигуманизму, сколько из его бифуркации между практикой, с одной стороны, и целями науки, с другой. Истоки отмеченных противоречий укоренены, прежде всего, в гносеологической позиции Альтюссера: для него теоретический антигуманизм — неперемнное условие научного познания. «В итоге, — пишет Н. Автономова, — мы сталкиваемся с продуктом глобальной «теоретизации» и гносеологизации идеологических образований» [8. С. 212]. Для Альтюссера практика превращается в источник иллюзий, заблуждений, поэтому ее необходимо изолировать от теории. Вместе с тем следует признать, что эта изоляция не только академическая проблема, но и реальная коллизия самого марксизма. От Ленина до Альтюссера

представители марксизма были вынуждены объяснять недостаток революционной сознательности пролетарских масс. В то время как Маркс рассматривал теорию как средство организовать, дисциплинировать стихийную активность рабочего движения, для Альтюссера она становится средством объяснить, почему этой активности нет, почему она недостаточна для социальных перемен.

Достоинство концепции Альтюссера в том, что он привлек внимание к разработке марксизма как «фундаментальной теории» в тот момент, когда ряды сторонников такого подхода значительно поредели, а марксистская парадигма подверглась серьезным вызовам, на которые необходимо было ответить. Альтюссер уверен, что ответы можно найти у Маркса, но его нужно **читать**. Он пишет: «Почти век мы читаем «Капитал» — в драмах и надеждах нашей истории, в ее спорах и конфликтах, в поражениях и победах рабочего движения ... С тех пор, как мы пришли в мир, мы читаем «Капитал» в работах и речах тех, кто прочитал его до нас, хорошо это или плохо, сейчас живущих или ушедших: Энгельс, Каутский, Плеханов, Ленин, Роза Люксембург, Троцкий, Сталин, Грамши, лидеры рабочих организаций, их сторонники и оппоненты: философы, экономисты, политики... Мы читали отрывки, фрагменты, которые конъюнктура отбирала для нас. Мы, более или менее, читали первый том от «товара» до «экспроприации экспроприаторов» [б. Р. 12]. Альтюссеровские слова вдвойне справедливы по отношению к некоторым сегодняшним критикам, а иногда и сторонникам учения Маркса, зачастую не идущим дальше одних и тех же привычных цитат.

Столкнувшись с основной философской альтернативой XX века: сциентизм / антисциентизм, Альтюссер был готов пожертвовать «аксиологическим воодушевлением» марксизма, чтобы избавиться от догматизма. По его мнению, марксизм был наиболее силен тогда, когда создавались концепции вне чьих-либо интересов, вне стремления быть привлекательным для кого-либо, и потерял свою силу, когда стал идеологией.

Путь решения дилеммы, выбранный Альтюссером, сделал тезисы его программы весьма уязвимыми для абсолютизации и обнаружил серьезные пробелы в его концептуальной постройке. На наш взгляд, во всех этих спорах вокруг Альтюссера, уже ставших достоянием истории, без ответа остался вопрос о том, может ли марксистская наука стать «живой» силой истории вне теоретических изменений и насколько при этом допустима «измена» тем ценностям, которые лежат в ее основаниях. Даже если допустить, что альтюссеризм ушло вместе с Альтюссером, то поднятые им проблемы, несомненно, остались: каково место гуманизма в марксизме, каково место марксизма в гуманистической парадигме, возможна ли научная идеология?

Библиографический список

1. Альтюссер, Л. Ленин и философия / Л. Альтюссер. — М.: Ad Marginem, 2005. — 175 с.
2. Лила, М. Маркс и убийство. Демон Альтюссера и бегство от субъективности / М. Лилла // Иностранная литература. — 1993. — №6.
3. Althusser, L. Positions / L. Althusser. — Paris, 1976.
4. Althusser, L. For Marx / L. Althusser. — London, 1969.
5. Schaff, A. Structuralism and Marxism / A. Schaff. — Oxford: Pergamon Press, 1978. — 205 p.
6. Althusser, L. Reading «Capital» / L. Althusser. — London, 1970. — P. 103.

7. Любутин, К.Н. О философии Маркса / К.Н. Любутин // Вестник российского философского общества. — 2007. — №2. — С. 112 — 119.

8. Автономова, Н.С. Этапы идейной эволюции Л. Альтюссера / Н.С. Автономова // Современные зарубежные концепции диалектики. — М., 1993. — С. 18 — 235.

N.V. Shikhardin

**LUIS ALTHUSSER:
CRITICS, RECONSTRUCTION AND DEFEND OF MARXISM**

The French philosopher Luis Althusser in 1960-1970-s years proves the idea that Marxism is a science, not an ideology. Considering Marxism as a theoretical antihumanism, he fixes «epistemological break» between the ideological and scientific periods in the evolution of Marx's thought.

Key words: neomarxism, antihumanism, ideology, scientism, epistemology.